

о гибели Русской земли», также писавшего после татаро-монгольского нашествия, воскрешавшие память о былой славе Русской земли, которой «покорено было богом» все, в широко очерченных автором границах, соседях которой то «твердыху каменные города железными вороты», то «радовахуся далече будучи за синим морем», то даже, как «жюр Мануил цесарегородский» «великия дары посылаша» к Владимиру, «абы Цесаря города не взял». ²⁵ Разными путями оба автора звали к патриотизму русских людей: один трагической картиной гибели, другой рассказом о былом могуществе Русской земли. Скорбная интонация этого рассказа становится ощутимой, если сопоставить его с исполненной ликующего торжества славой русским князьям и Русской земле, прозвучавшей в устах митрополита Илариона: князья русские «мужьством же и храбрьством прослуша в странах многих и победами и крепостию поминаются ныне и словут. Не в хуе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земли». ²⁶

Перед нами три обобщенные картины «славы» и «гибели» Русской земли. Все они исторически верно отражают определенные этапы в ее жизни, вполне реалистически оценивая и международное значение Русского государства и его внутреннее состояние. Каждая из этих картин помогала читателю через художественное изображение «познать действительность», внушала определенную ее оценку и тем самым подсказывала линию поведения. Для своего времени каждый из трех авторов обнаружил незаурядную способность осмыслить значение исторических событий, а не просто «информировать» о них читателя и слушателя, и передать ему свою оценку в форме широкого художественно выраженного обобщения.

3

Реалистические тенденции проявляются в древнерусской литературе также и при создании обобщенных безымянных образов. Яркие примеры такого рода реалистичности дает учительная литература в той ее части, которая изображает носителей разного рода пороков, нарушающих нормы христианской морали. В отличие от положительного образа идеала, который в учительной литературе строился методом «идеального преобразования жизни», ²⁷ литературный портрет носителя пороков больше опирался на наблюдения над действительностью. Как ни сгущены бывают иногда краски на таком портрете — в соответствии с требованием представить наиболее завершенное проявление данного порока, — все же именно в изображении порочного человека наблюдается стремление писателя проникнуть во внутренний его мир, в причины, порождающие порочное поведение, в его тяжелые следствия и для самого человека и для его окружающих.

Образы людей — носителей какого-либо одного по преимуществу порока-страсти достигают в учительной литературе нередко большой художественной выразительности и правдоподобия, убеждают читателя верностью описания психологических состояний. Такие образы по праву могут

²⁵ Х. М. Лопарев. Слово о гибели Русской земли. — ПДП, т. LXXXVI. СПб., 1892, стр. 21—24.

²⁶ А. И. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, в. 1. СПб., 1894, стр. 70.

²⁷ Это «преобразование» иногда производилось путем «отрицания отрицательных черт», причем идеал должен был быть свободным от всех возможных для человека его положения недостатков (см.: Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, стр. 222—223).